

УДК 811[161.1:16]

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ИСТОРИИ
ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: О СУДЬБЕ СРЕДНИХ ЗВУКОВ
В ПРАСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД**

Курулёнок А.А.

В статье определяется важность типологических исследований в рассмотрении истории фонетической системы. Описывается такая типологическая закономерность, как неустойчивость всякого рода средних звуков. В области средних между гласными и согласными звуков – сонантов, чаще всего начинаются фонетические процессы в славянской языковой истории. Промежуточным звукам принадлежит особая историческая роль на разных этапах развития славянской фонетики.

Ключевые слова: типология, средние звуки, сонанты, праславянский период.

**TYPOLOGICAL REGULARITIES IN THE HISTORY
OF PHONETIC SYSTEM: ABOUT THE FATE OF MEDIUM SOUNDS
IN PROTO-SLAVIC PERIOD**

Kurulyenok A.A.

The article defines the importance of typological research in examining the history of the phonetic system. It describes such typological pattern as variability of every kind of medium sounds. In Slavic language history the phonetic processes began most commonly in the area of medium sounds, i.e. sonants between vowels and consonants. Intermediate sounds have a special historical role on different stages of development of Slavic phonetics.

Keywords: typology, medium sounds, sonants, the Proto-Slavic period.

В середине XX века ряд лингвистов, отказавшись от разработки общей типологии, обратились к исследованию типологии отдельных подсистем и

категорий языка. Возникло то направление в типологии, которое В. Скаличка назвал направлением, группирующим отдельные явления языка [9, с. 28].

Одним из первых трудов по частной типологии стала известная книга Н.С. Трубецкого «Основы фонологии», вышедшая в 1939 г. на немецком языке и положившая начало исследованиям по фонологической типологии. Помимо ряда общетеоретических проблем, которые получили освещение в этой книге (понятия фонемы, фонологической системы, фонологических оппозиций и т.д.), в ней изложены типологические характеристики фонологических систем большого числа языков. В 1963 году А.В. Исаченко на материале славянских языков, используя критерии количества гласных и музыкального ударения, а также явление твердости и мягкости согласных, установил два типа языков: вокалический и консонантический [2, с. 106-121].

Несколько лет назад Б.И. Осипов указал на важную роль типологических исследований в проведении исторических описаний языковой системы. Привлечение типологии способствует появлению новых идей и помогает найти новые объяснения фактов эволюции языковой системы. И в рассмотрении истории фонетической системы типологические закономерности также могут найти достойное и полезное применение. Ученый представил некоторые сюжеты истории славянских языков и показал, что эволюцию славянской фонетической системы следует рассматривать в тесной связи исторического и типологического подходов. Факты и выводы обоих подходов способны дополнять и поддерживать друг друга, при этом «типологические закономерности получают объяснительную силу только лишь на базе исторических» [5, с. 167].

В истории славянской фонетической системы обращает на себя внимание такая типологическая закономерность, как неустойчивость всякого рода средних звуков. По этому поводу в 2012 году Б.И. Осипов размышлял об одной фонетической идее В.М. Маркова, который подчеркивал особую роль промежуточных классов звуков в истории как славянских, так и других языков. В первую очередь в статье указывается на то, что именно в сфере средних

между гласными и согласными звуков, т.е. сонантов, чаще всего начинаются фонетические процессы в славянской языковой истории.

В фонетической системе раннего праславянского языка в области вокализма насчитывалось пять гласных фонем в качественном отношении. Однако гласные могли иметь разную долготу, т.е. они различались по долготе и краткости. Это различие носило фонологический характер: краткие и длинные гласные могли находиться в одной и той же позиции, а значит, они были самостоятельными фонемами. Соответственно, система вокализма в этот период включала 10 гласных: верхние [i], [i:], [u], [u:], средние [e], [e:], [o], [o:], нижние [a], [a:] (в предложенной в статье транскрипции краткость звука не обозначается, а на долготу указывает двоеточие справа от звука – *А.К.*).

Оригинальной чертой фонетической системы раннего праславянского языка являлось наличие промежуточного класса сонантов, которые могли играть двоякую роль гласных и согласных. Все шесть сонантов *j* (*i*), *w* (*u*), *r*, *l*, *m*, *n* могли принимать гласные и согласные формы. Гласные сонанты, находясь между согласными, в начале слова перед согласной, в конце слова после согласной, играли роль гласных, т.е. были слоговыми [4, с. 142]; гласные сонанты рядом с любым гласным становились неслоговыми. При этом сонанты были неоднородны по своей артикуляционной и функциональной характеристике: гласные сонанты (плавные *r*, *l* и носовые *m*, *n*) могли быть переднего и непреднего ряда, долгими и краткими, тогда как согласные сонанты не имели количества и, в отличие от гласных сонантов, были неслоговыми; сонанты *j* и *w* – те же гласные фонемы, что и *i* и *u*, но играющие роль согласных (например, в начале слога перед гласным) [1, с. 132-135]. По этой причине некоторые ученые не определяют *i*, *u* как сонанты *j*, *w*; будучи узкими, гласные [i] и [u] с более широкими гласными [e], [o], [a] становились неслоговыми, что сближало их с согласными *j* и *w* [7, с. 40]. Неслоговые звуки не реализовывали особых фонем, а являлись позиционно обусловленными аллофонами соответствующих кратких. Слоговость гласных сонантов и узких

гласных (или согласных сонантов) терялась в соседстве с более звучными звуками.

Тем самым, для этого периода славянской языковой истории было характерно наличие около двух десятков гласных сонантов, при этом обычных гласных с учетом их долготы и краткости было 10 (*a, o, e, u, i*), а система шумных согласных была бедной и насчитывала фонем на порядок меньше. Праславянская вокалическая система, объединяющая гласные и сонанты, была количественно перегружена, эта перегрузка усиливалась еще за счет функционирования особого сочетания фонем, в которых участвовали гласные и неслоговые сонанты: в сочетании со слоговыми (гласными) неслоговые *i (j), u (w)* образовывали дифтонги, а *r, l, m, n* – дифтонгические сочетания.

Преобразования в фонетической системе были вызваны этой перегрузкой и проходили они именно внутри вокализма, что положило начало тенденции к укреплению консонантизма. И здесь приходится говорить о другой типологической черте, выраженной в неустойчивости звуков промежуточного, среднего подъема и ряда в системе гласных любого языка: гласные среднего подъема всегда проявляют тенденцию к переходу либо в верхний, либо в нижний подъем, о чем может свидетельствовать современное *аканье, яканье, иканье* и *уканье* в русском языке [7, с. 44]. В раннюю праславянскую эпоху склонность к переходу в нижний подъем стали проявлять долгие гласные среднего подъема. Долгая *<o:>*, перейдя в нижний подъем, потеряла лабиализацию (типологически нехарактерную для широких гласных) и совпала с *<a:>*. Утрата лабиализации фонемой *<o:>* привела к утрате этого признака и другой долгой лабиализованной фонемой – *<u:>*, которая изменилась в *<y:>*. Долгая средняя гласная *<e:>*, проявляя свою неустойчивость, в восточнославянских диалектах перешла в верхне-средний подъем и приобрела закрытость, а в предках старославянского языка сблизилась с нижним подъемом и «превратилась» в *<ä:>* (в данной статье прослеживается история вокалической системы в диалектах, которые легли в основу старославянского языка).

В позиции после палатализованных (шипящих) согласных, возникших в результате первой палатализации заднеязычных, на месте передней фонемы <ä:> стала выступать непередняя <a:>. Это изменение сделало возможной фонологизацию результатов первой палатализации, поскольку шипящие и заднеязычные стали употребляться в одной и той же позиции: шипящие из позиционно обусловленных реализаций заднеязычных перед передними гласными превратились в самостоятельные фонемы.

В результате отмеченных переходов средних гласных верхний и нижний подъем в некоторых диалектах оказались перегруженными: на них приходилось 7 фонем – в верхнем подъеме <i>, <u>, <i:>, <u:> и в нижнем <a>, <a:>, <ä:>, тогда как средний подъем стал недогруженным со всего двумя краткими фонемами <e> и <o>. Такая система гласных с неравным распределением фонем по подъемам была намного менее стройной, чем исходная индоевропейская система из 10 единиц, составляющих пять пар по долготе и краткости. Несовершенство новой системы неизбежно должно было привести к дальнейшим изменениям.

Одним из значительных в ранней праславянской системе было изменение сонантов, что было вызвано неустойчивостью этих звуков и, вероятно, перегрузкой вокалической системы. История сонантов в этот период началась с распада гласных сонантов, различавшихся по ряду, и утраты ими слоговости, в результате чего на их месте возникли сочетания с предшествующими гласными – передним [i] и непередним [u] ([ir], [ur], [il], [ul], [im], [um], [in], [un]). Эти сочетания в положении перед согласными представляли собой дифтонгические сочетания, а в положении перед гласными относились к разным слогам. Изменения гласных сонантов ликвидировали перегрузку системы вокализма, поскольку утратилось различие сонантов переднего и заднего рядов (в сочетаниях [ir] и [ur] сонанты уже не различались по месту образования). В связи с утратой слоговости и развитием нового слогового гласного утратилась долгота сонанта, так как различие долготы и краткости существовало лишь в слоговых сонантах [1, с. 157-158]. Изменения сонантов, сблизившие их с

согласными, знаменовали переход праславянского языка от вокалического к консонантному типу. Но на этом роль сонантов в истории славянских языков не закончилась.

Новая и важная эпоха в истории праславянского языка, начавшаяся в III–II вв. до н. э., отличается от предыдущих не изменениями в системе фонем, а в первую очередь в структуре слога. Главные события этой эпохи характеризуются стремлением освободиться от закрытых слогов. Стремление расширить сферу употребления открытых слогов за счет закрытых тоже является типологической закономерностью, потому что эта склонность к построению слога по принципу восходящей звучности свойственна и другим индоевропейским языкам. Однако среди всех индоевропейских языков только славянские знают полное стремление структуры слова к всеобщему распространению только открытых слогов и упразднению закрытых. Переход закрытых слогов в открытые осуществлялся различными способами, и главными героями этих процессов вновь оказываются сонанты, вызвавшие многочисленные и неодинаковые по своей специфике изменения.

В этот период происходит монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний, неслоговой частью которых являлись согласные сонанты [i], [u] (в дифтонгах) и [r], [l], [n]. (Сонант [m] к этому периоду в конце слога уже изменился в [n]). Дифтонгами чаще называют сочетание двух гласных, тогда как некоторые ученые (С.Б. Бернштейн) называют такие сочетания дифтонгическими, поскольку [i] и [u] определяются ими как согласные сонанты. Учитывая, что в своей истории все неслоговые элементы указанных сочетаний превратились в согласные, то и дифтонги правомерно называть дифтонгическими сочетаниями.

Раньше всего пережили монофтонгизацию дифтонгические сочетания на сонанты [i] и [u], позже сочетания на сонант [n]. Далее монофтонгизировались дифтонгические сочетания сверхкратких [ɐ] и [ʊ] с плавными [r], [l]. Трансформация дифтонгических сочетаний [or], [er], [ol], [el], происходившая в более позднее время, не знала монофтонгизации, здесь тенденция к открытости

слога проявила себя иначе. С.Б. Бернштейн [1, с. 194] вслед за В.А. Богородицким считает, что первым этапом монофтонгизации было сближение артикуляции обоих элементов сочетания, поэтому этот процесс раньше был пережит дифтонгами, отдельные части которых были ближе друг другу в физиологическом отношении (т.е. однородными сочетаниями). По той же причине наиболее разнородные дифтонгические сочетания с сонантами [n], [r] и [l] пережили данный процесс еще позже.

Итак, в слогах с дифтонгическими сочетаниями на сонанты [i] и [u] под воздействием тенденции открытых слогов в позиции перед согласными и на конце слов происходило сложное преобразование (сокращение долготы слоговой части, изменение в дифтонг [1, с. 193] и ассимиляция), в результате которого появлялись различные по своей характеристике монофтонги. А перед гласными неслоговой элемент дифтонгического сочетания, ранее закрывавший слог, перешел к следующему слогу, так что предыдущий слог становился открытым. Вероятно, дифтонгические сочетания [ei], [au], [ou] (в них слоговой и неслоговой элемент принадлежали одному и тому же ряду, различаясь только признаком подъема) монофтонгизировались раньше (и быстрее), чем разнородные сочетания [ai], [oi], [eu] (элементы которых различались и рядом, и подъемом). Так в дифтонгических сочетаниях [au], [ou] и [ei] происходила полная регрессивная ассимиляция, в результате которой полностью сократился слоговой элемент, и возникли, соответственно, однородные гласные-монофтонги [u:] и [i:]. В сочетаниях [ai], [oi] сначала происходила регрессивная ассимиляция по признаку ряда, а затем происходила прогрессивная и регрессивная (на конце слов и при нисходящей интонации) ассимиляция по подъему, в результате чего появились, соответственно, монофтонги [ä:] и [i:]. В дифтонгическом сочетании [eu] первоначально происходила регрессивная ассимиляция по подъему (> [iu]), мена слоговостью (неслоговым становился [i]), а затем [i] изменился в [j] ([ju:]). Долгота [u:] (а в результате распада дифтонгических сочетаний появлялись только долгие монофтонги [1, с. 193, 205]) могла быть вызвана действием сонанта [i] на последующий гласный [u]

[5, с. 165]. В связи с монофтонгизацией [eu] в праславянском языке мягкие согласные оказались перед [u:].

Итак, в результате монофтонгизации дифтонгов на неслоговые сонанты [i] и [u] произошли существенные преобразования фонетической системы праславянского языка. Вновь появился гласный [u:] (древний [u:] еще до утраты закрытых слогов изменился в [y] ([ɥ])), возникли новые долгие гласные [ä:] и [i:]. Важные результаты имела монофтонгизация сочетания [eu], которая оказала существенное влияние на развитие категории твердости-мягкости согласных, так как вновь появились мягкие согласные перед [u:] [1, с. 198]. Усиление консонантизма произошло и в результате фонологизации звуков [w] и [j], которые появились перед гласными после изменения дифтонгов и из позиционных аллофонов фонем <u> и <i> (которые могли произноситься в начале слога [1, с. 185-187]) стали реализациями особых согласных фонем.

Ещё до утраты праславянским языком закрытых слогов (в результате действия закона открытого слога) прошел фонетический процесс, «наложивший глубокую печать своеобразия на все славянские языки» [1, с. 177-178]: краткие гласные [u] и [i] перешли в особые сверхкраткие гласные [ʊ] и [ɨ]. Тем самым верхние гласные перешли в верхне-средние, что Б.И. Осипов, ссылаясь на данные А.А. Реформатского, также объясняет другой типологической особенностью: наличие закрытой артикуляции у долгих гласных и относительно открытой – у кратких [7, с. 164; 8, с. 190]. Известная физиологическая особенность произношения гласных, которая указывает на бóльшую продолжительность артикуляции более нижних гласных, позволяет объяснить появление сверхкратких: верхние краткие [i] и [u], сближаясь в своей открытой артикуляции с краткими средними гласными [e] и [o], перешли в зону среднего подъёма, но сохранили свою прежнюю длительность и на новом месте стали восприниматься как очень краткие гласные. При этом они не приобретают необходимой для среднего подъёма длительности и по сравнению с исконными средними гласными количественно редуцируются.

Итак, мы видим, что, по словам Б.И. Осипова, началось «усреднение» верхних и нижних кратких гласных. Такому усреднению подверглась и краткая нижняя непередняя гласная <a>, совпадение которой с краткой средней непередней гласной <o> можно объяснить той же типологической закономерностью: верхние краткие гласные – более открытые, чем долгие, а нижние – более закрытые [4, с. 56-57], при этом нижние долгие гласные произносятся с более открытой артикуляцией, чем парные краткие [5, с. 164].

Все эти изменения (монофтонгизация дифтонгов и переходы количественных различий в качественные) привели к тому, что различия гласных фонем по долготе оказались закреплены за гласными определенного качества: верхние <i>, <u>, <y> и нижние <a>, <ä> оказались долгими, средние <e> и <o> – краткими, а верхне-средние <ь> и <ѣ> – сверхкраткими. Долгота потеряла самостоятельное значение и дефонологизировалась.

Следующим этапом перестройки слога в сторону его открытия явилась монофтонгизация дифтонгических сочетаний на носовой сонант [n]. И здесь изменению в монофтонг предшествовало сокращение долготы слоговой части, поэтому сочетания [on] и [a:n] монофтонгизировались одинаково (по С.Б. Бернштейну, сочетание [a:n] изменилось в [on]), так же как и сочетания [en], [in], [ьn]. В позиции перед согласным и на конце слова носовой сонант редуцировался и потом стал дополнительной назальной артикуляцией нового долгого гласного: в сочетании с предшествующим непередним гласным он дает носовой гласный [ɔ:], а в сочетании с передним – [ɛ:]. В результате появления носовых гласных вокалическая система количественно увеличилась, пополнив зону среднего подъема. А это привело уже к кардинально иной ситуации в вокализме, когда недогруженный в предшествующую эпоху средний подъем оказался перегружен шестью гласными: редуцированными <ь> и <ѣ>, краткими <e> и <o> и носовыми <ɛ:> и <ɔ:>.

Наконец, подверглись изменению и сочетания гласных с согласными сонантами [ʁr], [ʁl], [br], [bl], появившиеся в раннюю праславянскую эпоху на месте индоевропейских гласных сонантов [r], [l] непереднего и переднего ряда

в результате утраты ими слоговости. В отличие от дифтонгических сочетаний на [u], [i], [n], сочетания [ʁr], [ʁl], [br], [bl] в результате действия тенденции открытого слога дали не гласные монофтонги, а слоговые плавные, или гласные сонанты. В южнославянских и в южной части западнославянских языков в этих сочетаниях сверхкраткие гласные стали неслоговыми, а носителями слога оказались плавные [r], [l]. Далее сверхкраткие гласные сократились еще и стали простыми призвуками слоговых сонантов: [tʁgʁ̥] > [trgʁ̥], [vʁxʁ̥] > [vrxʁ̥]. При этом различие плавных по ряду, передавшееся им от сверхкратких [1, с. 207], впоследствии было утрачено. В сокращении слоговой части дифтонгического сочетания Б.И. Осипов видит способность сонантов сокращать предшествующие гласные, то есть рядом с сонантами гласные проявляют количественную неустойчивость и склонность к сокращению [5, с. 164-165; 6, с. 311]. Новые гласные сонанты в разных диалектах праславянского языка могли различаться в произношении, что, видимо, указывает на их дополнительные изменения. В восточнославянских языках слоговые плавные утратились, а призвуки вновь развились в слоговые [ʁ], [l], сонант стал неслоговым: [trgʁ̥] > [tʁgʁ̥], [vrxʁ̥] > [vʁxʁ̥].

Завершающим этапом в реализации тенденции к открытию слога явилась трансформация дифтонгических сочетаний [or], [er], [ol], [el], в результате которой они не монофтонгизировались, а развили в разных диалектах позднего праславянского языка различные сочетания, устраняющие закрытый слог. В данных преобразованиях ведущую роль также сыграли именно сонанты, которые на этот раз проявили обратную способность не сокращать предшествующий гласный, а удлинять или порождать последующие гласные (так же, как сонант продлил [u] в результате монофтонгизации сочетания [eu]). Так, в южнославянских языках после метатезы гласного и сонанта в сочетаниях [or], [er], [ol], [el] происходило продление гласных [o] и [e], в результате появились так называемые неполногласные сочетания. В восточнославянских языках, где появилось первое полногласие, метатезы не произошло, а сонанты развили после себя новый гласный, аналогичный тому, который находился

перед сонантом. В некоторых восточнославянских говорах развивается так называемое второе (глухое) полногласие на месте сочетаний редуцированного с плавным: плавные, находящиеся после редуцированных порождали после себя новый гласный, аналогичный предшествующему: [tʁgʲ] > [tʁʲgʲ], [vʁxʲ] > [vʁʲxʲ]. Б.И. Осипов вслед за В.М. Марковым подчеркивает, что и первое, и второе полногласие, были явлениями одного порядка, которые были взаимосвязаны и происходили в одно время [6, с. 311; 3, с. 163-215].

Такую закономерность, как склонность к количественному изменению соседних гласных, сонанты предположительно проявили и в последующие эпохи: во время падения редуцированных и в период формирования аканья.

Парадоксальным кажется тот факт, что сонанты как средние звуки, проявляя свою неустойчивость в истории праславянского языка (о чем свидетельствуют многочисленные процессы, происходившие с ними), тем не менее, сыграли активную роль в преобразованиях фонетической системы. Так, распад слоговых сонантов на сочетания с предшествующими краткими [i] и [u] знаменовал переход праславянского языка от вокалического к консонантному типу и сблизил сонанты с согласными. Вместе с этим началось ослабление связи интонации с долготой и укрепление ее связи с ударением [1, с. 157-160; 7, с. 45-49].

После монофтонгизации дифтонгических сочетаний на неслоговые сонанты [i] и [u] произошла фонологизация среднеязычной согласной <j>, которая далее вызвала в праславянском языке множество изменений согласных (процессы йотовой палатализации), в результате чего появились новые палатализованные согласные, и консонантная система усилилась количественно и качественно.

Наконец, в истории фонетической системы позднего праславянского языка сонанты могли влиять на соседние гласные, сокращая предыдущие и удлиняя последующие, в результате чего в южнославянских и в южной части западнославянских языков появились слоговые плавные [r] и [l], а также

развилось неполногласие в южнославянских языках и полногласие в восточнославянских языках.

С преобразованием дифтонгических сочетаний, заканчивающихся на плавные сонанты, тенденция открытого слога превращается в закон открытого слога, определивший фонетическую структуру слова славянских языков после распада праславянского языкового единства.

Промежуточным звукам, будь то сонанты или гласные средних разрядов, принадлежит особая историческая роль, что проявилось и в поздние периоды развития славянских языков, в частности древнерусского языка. Многочисленные процессы в зоне среднего подъема древнерусской звуковой системы привели к таким фонетическим преобразованиям, как утрата носовых гласных, история редуцированных, переход <e> в <o>, а также к явлениям безударного вокализма в современном русском и белорусском языках.

Список литературы:

1. Бернштейн С.Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 352 с.
2. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. Вып. III. С. 106-121.
3. Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 260 с.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 512 с.
5. Осипов Б.И. Значение типологических исследований для изучения исторической фонетики // Актуальные проблемы современной филологии: к юбилею А. Грина: Языкознание. Киров, 2005. С. 163-169.
6. Осипов Б.И. Об одной фонетической идее В.М. Маркова (Звуки промежуточных разрядов в языковой истории) // Русский язык: функционирование и развитие: к 85-летию со дня рождения профессора В.М.

Маркова: материалы международной научной конференции, 18-21 апреля 2012 года / Казан. (Приволж.) федер. ун-т, Ин-т филологии и искусств, Каф. истории русского яз. и славянского языкознания. Казань, 2012. Т. 2. С. 309-314.

7. Осипов Б.И. Основы славянского языкознания. Омск: Омск. гос. ун-т. 2004. 202 с.

8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.

9. Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. Вып. III. С. 19-35.

10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

Сведения об авторе:

Курулёнок Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института европейских языков Чжецзянского университета иностранных языков (Шаосин, Китай).

Data about the author:

Kurulyenok Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language Department, Euro-languages college, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages (Shaoxing, China).

E-mail: kurulyenok@mail.ru.